

**ЦЕННОСТНАЯ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
КАК ИСТОЧНИК
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО
КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ**

**VALUE UNCERTAINTY
AS A SOURCE OF THE
ANTHROPOLOGICAL CRISIS
IN THE MODERN WORLD**

*Л. Л. Штофер **

*Ludmila L. Shtofer **

** Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Ростов-на-Дону, Россия*

** Rostov State University of Economics (RINH)
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования заключается в анализе ценностной неопределенности в условиях современного антропологического кризиса.

Objective of the study is to analyze the value uncertainty in the conditions of the modern anthropological crisis.

Методологическую базу исследования составляет цивилизационный подход, теории кризиса идентичности, теории социальной аномии и концепция глокализации.

The methodological basis of the research is the civilizational approach, the theory of identity crisis, the theory of social anomie and the concept of glocalization.

Результаты исследования. В статье анализируются причины ценностной неопределенности и ее влияние на тенденции социального развития. Подчеркивается, что, с одной стороны, аксиологический плюрализм разобщает людей, атомизируя общество и «капсулируя» индивидов, придает зыбкость индивидуальной ценностной системе, а с другой стороны, позволяет преодолеть политическую, этническую, религиозную, культурную ограниченность, предоставляя личности возможность конструировать ценностную систему, повышает роль индивидуальной ответственности за сделанный выбор и его последствия.

Research results. This article analyzes the causes of value uncertainty and its impact on the trends of social development. It is emphasized that, on the one hand, axiological pluralism divides people, atomizing society and «encapsulating» individuals, gives instability to the individual value system, and on the other hand, allows overcoming political, ethnic, religious, cultural limitations, giving individuals the opportunity to construct a value system, increases the role of individual responsibility for the choice made and its consequences.

Перспективы исследования. Проблематика антропологического кризиса и факторов его порождающих представляет научный и практический интерес в связи с необходимо-

Prospects of the study. The problems of the anthropological crisis and its generating factors are of scientific and practical interest in connection with the need to preserve traditional values in the modern world.

© Штофер Л. Л., 2023

стью сохранения традиционных ценностей в современном мире.

Ключевые слова: антропологический кризис, трансформация ценностей, ценностная неопределенность, нравственный релятивизм, глобализм, глокализация, аксиологический плюрализм.

Keywords: anthropological crisis, transformation of values, value uncertainty, moral relativism, globalism, glocalization, axiological pluralism.

Введение

Осмысление ценностной неопределенности как источника антропологического кризиса в современном мире побуждает задуматься, прежде всего, о сущности кризиса как такового и его амбивалентности.

Кризис как состояние бытия (общественного/индивидуального) всегда есть следствие накопившихся противоречий, возникших и не разрешенных на предшествующих этапах развития. Глубина кризиса может быть различной, как и пути выхода из него. Сам кризис способен в равной мере вести как к деградации и гибели системы, так и быть источником ее радикального обновления.

Сущность антропологического кризиса, по мнению гуманистически ориентированных мыслителей, сводится к разрушению традиционного представления о человеке как о разумном, духовно-нравственном, социальном существе. Одной из причин происходящих изменений является трансформация ценностных оснований человеческого бытия.

Ценности исторически образуют духовно-мировоззренческий каркас личности и общества, аккумулируют представления индивида и общества о высоком и низком, о добре и зле, о прекрасном и безобразном; являются источником как интеграции, так и дезинтеграции социальных групп. Трансформация ценностей может вести как к модернизации, так и к архаизации общества.

Первоначально являясь разрозненными, ценности с течением времени образуют иерархические системы, которые встроены в процесс социализации личности (воспитание, образование), воспроизводятся общностью в повседневной практике, транслируются в рамках институтов социальной ответственности.

Методология и методы

Теоретико-методологической основой исследования проблемы ценностной неопределенности выступают теории кризиса идентичности (Бергер, Лукман, 1995; Хёсле, 1994; Эриксон, 2006). Концептуальными для исследования являются цивилизационный подход (Тойнби, 1991; Шпенглер, 1998; Хантингтон, 2003), теория социальной аномии (Дюркгейм, 1990; Мертон, 2006);

положения теории социокультурного кризиса (Следзевский, 2005); концепция глокализации (Робертсон, 1992).

Основные результаты

На содержание ценностей и их трансформацию влияют различные факторы, прежде всего политический. Чаще всего наличная ценностная система разрушается в результате гибели государственного образования, причиной которой становится либо его завоевание извне, либо внутригосударственная, насильственно-революционная смена общественного строя. Крушение действующих политических институтов и возникновение принципиально новых способствует трансформации ценностных оснований бытия общности.

Экономический фактор становится значим, влияет на изменение ценностной системы, когда способ производства материальных благ демонстрирует свою исчерпанность, становится малоэффективным, не обеспечивает поддержания даже имеющегося уровня, не говоря о развитии. В равной мере революционные изменения в экономике также влияют на содержание ценностной системы, обычно способствуя ее обновлению.

Социокультурный фактор способен влиять на систему ценностей, во-первых, в случае раскола и поляризации общества по образу жизни, уровню доходов, доступности социально значимых благ (образование, здравоохранение и др.); во-вторых, в силу «пестроты» этнического состава социального образования, его поликультурности и поликонфессиональности.

Идеологический фактор становится определяющим, когда система ценностей насаждается сверху, противостоит исторически сложившейся аксиологической системе в содержательном отношении, не способна проникнуть в глубины индивидуального и общественного сознания, носит откровенно демагогический характер. Подобная ценностная система, насаждаемая и принудительно поддерживаемая сверху, постепенно деформируется под влиянием двоемыслия, а затем и разрушается вместе с соответствующей политической системой.

Таким образом, под ценностями мы понимаем эмоционально заряженные (позитивно/негативно) духовные сущности, лежащие в основе мировоззренческого каркаса личности и общества, обеспечивающие его устойчивость к внешним деструктивным воздействиям и выступающие детерминантами социального поведения. Ценности образуют иерархическую систему, вершиной которой являются представления о сверхценностях (идеалах).

Несмотря на то, что ценностные системы обладают высоким запасом прочности, они способны претерпевать изменения под воздействием различных факторов и их комбинаций, прежде всего, политических, экономических, социокультурных, идеологических.

В чем же состоит причина ценностной неопределенности в современном мире?

Несмотря на то, что мир никогда не был стабилен (стабильность предполагает состояние стагнации, отсутствие развития), темпы происходящих изменений в прошлом были значительно ниже, взаимодействие общностей проходило с меньшей интенсивностью, возникающие идеи революционизировали сознание постепенно, на протяжении длительного времени.

В современном мире, напротив, качественные изменения происходят на коротких временных отрезках, глобальное и локальное, универалистское и трайбалистское, атеистическое и религиозное, модерн и архаика, индивидуалистическое и коллективистское сталкиваются непосредственно.

Результатом становятся изменения в различных сферах, в том числе и в аксиологической. Ее состояние всё чаще оценивается как неопределенное. «Неопределенность» характеризует как содержательную часть современной ценностной системы, перспективы и векторы ее развития, так и ощущение зыбкости ее оснований, вызванное «размыванием» ценностного фундамента.

Развитие ценностных оснований человеческого бытия позволяет выявить определенную тенденцию. Духовные ценности, пока еще не артикулируемые и не выделенные в отдельную структуру сознания (ценностное сознание), на первоначальном этапе были интегрированы в само социальное существование архаических обществ. Их квинтэссенция выражена в неукоснительно воспроизводимых нормах повседневного поведения, обрядовых действиях, магических практиках, мифологических представлениях. Не выходя за рамки родоплеменного коллектива, они обладали мощным внутригрупповым интегративным потенциалом.

В дальнейшем, с появлением государственных образований и постепенном выделении личностного начала из коллективного «Мы», намечается тенденция к индивидуализации ценностных оснований жизни людей и ее теоретическое осмысление.

Наиболее показателен в этом отношении античный мир, предложивший в рамках философии широкую аксиологическую палитру (эвдемонизм, гедонизм, деонтологию, аскетизм и др.). Однако ядро системы ценностей античного человека оставалось незыблемым: гражданские и семейные ценности.

С выделением двух основных моделей развития (Восточного и Западного) начинают оформляться ценности цивилизационного характера, которые в эпоху Средневековья приобретут религиозную окраску (христианские/исламские). Обладая универалистским потенциалом, они станут основой сплочения многочисленных полиэтничных социальных образований.

Если Восток в целом сохранит верность религиозной системе ценностей, то Запад, начиная с эпохи Возрождения, постепенно заменит религиозные ценности ценностями светскими, гуманистическими. Так в Новое время, с его идеей прав и свобод личности, будет сформирована наиболее универсальная по содержанию система либеральных, буржуазных ценно-

стей, взятая, в пределе, безотносительно любых факторов, разделяющих людей.

В XX веке данная система столкнется с локальными политико-идеологическими ценностными системами (коммунистической и национал-социалистической) и выйдет из этого противоборства победительницей (поражение фашистской Германии во Второй мировой войне положит конец национал-социализму и соответствующей системе ценностей, а распад СССР в 1991 году обесценит коммунистические идеалы) (Лубский, 2016).

Поскольку в современном мире имеет место не только тенденция глобализации, но и контртенденция – локализация и ее компромиссный вариант – глокализация, наличное состояние общественного и индивидуального сознания демонстрирует ценностную неопределенность.

Общей тенденцией является либо разрушение локальных ценностных систем, либо серьезное давление на них со стороны глобализма и его основы – западного либерализма и индивидуализма, вызывающее противодействие.

Сама идея глобализма предполагает не только глобальность экономики и информационной сферы, но и ценностный универсализм (Панарин, 2002). В ситуации объективного повышения роли и значения личностного начала западные ценности, исходящие из приоритета индивидуального, оказываются более притягательными, чем ценности традиционные с их приматом группового начала. Распространению данной системы во многом способствуют современные формы самопрезентации и самореализации индивидов.

В подобной ситуации локальные ценностные системы, стремящиеся к самосохранению, вынуждены либо самозамыкаться, либо искать компромисс. Первый вариант малоэффективен, поскольку современное развитие невозможно без взаимодействия локальной системы с остальным миром, а намеренный изоляционизм ведет к ее деградации и упадку. Второй вариант возможен, но его успешность обусловлена прочностью национальной/цивилизационной ценностной системы, ее укорененностью в сознании общности. В этом случае взаимодействие локального и глобального ограничено материальными аспектами (экономикой и финансами) и практически не затрагивает ценностное ядро духовной сферы.

Революционные изменения претерпевает современное геополитическое противоборство. Если в предшествующий период ставка делалась на военную силу в ее классическом понимании (вооруженное государственное насилие), то современный мир все чаще переносит борьбу в аксиологическую сферу. Это позволяет получить желаемое (территорию, природные ресурсы и лояльность общественного сознания противника), минимизируя собственные риски, прежде всего, сокращая людские и материальные потери (Шевченко, Штофер, 2019).

Значительную роль в противоборстве начинает играть пролонгированное информационно-психологическое воздействие, объектом которого выступает общественное и индивидуальное сознание противника, в результате которого традиционные ценности, укорененные в сознании общности, постепенно вытесняются и замещаются ценностями глобализма.

Экономика, трендом развития которой с Нового времени стал качественный рост товаров и услуг, закономерно привела к возникновению общества потребления и формированию соответствующей системы ценностей.

Потребление как смысловое ядро данной системы не только примитивизировало ее в содержательном отношении (цель существования – обладание вещами), но и создало парадоксальную ситуацию: субъект потребления – индивид – в системе вещных отношений утратил субъектность, став объектом среди других объектов. В результате у современного человека возникает когнитивный диссонанс, обусловленный стремлением сохранить субъектность, обладать различными объектами (не только неодушевленными, но и одушевленными, включая людей) и одновременно сохранять собственную потребительскую ценность на рынке товаров и услуг.

В современном мире ценностные системы поляризуются по критерию религиозности/атеистичности. Если в предшествующий период они различались по конфессиональному критерию, что делало их до известной степени сопоставимыми, то в настоящее время ценностные системы приобретают качественное различие. В религиозной наличествует приоритет духовного над материальным и сакрального над профанным, в то время как в атеистической ценности носят исключительно земной характер, абсолютизируя значимость материального, вещного, телесного.

Сущностная несовместимость аксиологических систем ведет к радикализации религиозных ценностей, возникновению замкнутых этнорелигиозных образований, а также социальных групп экстремистской направленности, включая международные террористические организации.

Что касается второй системы, то она не обладает ценностной однородностью, чаще всего причудливо соединяя атеистическую доминанту с религиозными элементами, являющимися скорее данью культурной традиции общности, нежели ее осознанной ценностной системой. Поскольку современный мир быстро атеизируется, в ценностных системах объективно усиливается роль светского начала и снижается роль религиозного фактора.

Наконец, ценностной неопределенности способствует развитие информационных технологий, в результате чего современный человек во всё большей степени социализируется, коммуницирует, самореализуется в виртуальной реальности (Шевченко, Штофер, 2022).

Несмотря на то, что ценности реальной действительности и виртуального пространства качественно различны, они одновременно представлены в

сознании современного индивида. Если для первой реальности характерны топографическая локальность, количественная ограниченность, качественная глубина, личностная определенность, этические максимы, то для второй – глобальность, множественность, поверхностность, анонимность, нравственный релятивизм. В процессе перманентного перехода от реального к виртуальному миру и наоборот у индивида размывается грань между первым и вторым мирами, а ценностная упорядоченность постепенно замещается ценностным хаосом (Шевченко, Штофер, 2022).

В результате современный человек с момента рождения (за редким исключением) попадает в тотально плюралистичную аксиологическую реальность, в которой отсутствуют ценностное ядро и внятная ценностная иерархия. Действительность во всё большей степени предлагает человеку самостоятельно конструировать (из имеющихся элементов) ценностные основания собственного существования, не давая практически никакой «рамочной» конструкции. Исключения составляют: 1) немногочисленные традиционные общества, находящиеся на стадии разложения родовых отношений и практически не взаимодействующие с современным миром (коренные жители Австралии, Океании, африканского континента, народы Крайнего Севера и др.); 2) тоталитарные системы (Северная Корея); 3) исламские теократии (Иран, Саудовская Аравия); 4) мощные цивилизации, опирающиеся на древние культурные традиции (Китай).

В подобной ситуации абсолютизируется роль «Я-ценностей» и убывающе малой величиной становится роль «Мы-ценностей». Вопрос об оценке данной тенденции остается открытым и не имеет однозначного решения.

Заключение

Таким образом, с одной стороны, аксиологический плюрализм разобщает людей, атомизируя общество и «капсулируя» индивидов; не имея институциональной основы, он придает зыбкость индивидуальной ценностной системе; ценностно-мировоззренческая неопределенность превращает систему в объект для манипуляций, предлагая легко заменять одни ценности другими (то, что невозможно в рамках иерархической ценностной системы, базирующейся на прочном моральном основании, становится допустимым в ситуации однопорядковости ценностных элементов и их нравственной релятивности).

С другой стороны, аксиологический плюрализм позволяет преодолеть политическую, этническую, религиозную, культурную ограниченность, характерную для традиционных обществ; дает возможность отказаться от общественных стереотипов, самостоятельно выстроить ценностную иерархию с учетом личных приоритетов и, таким образом, обрести экзистенциальную свободу; предоставляя личности возможность конструировать ценностную систему, ценностный плюрализм повышает роль индивидуальной ответственности за сделанный выбор и его последствия.

Список источников

Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда; Метод социологии: [перевод с французского] / Э. Дюркгейм; изд. подгот. А. Б. Гофман; [примеч. В. В. Сапова]. – Москва: Наука, 1991. – 572 с. – ISBN 5-02-013399-X.

Лубский, А. В. Цивилизационный дискурс в условиях глокализации / А. В. Лубский // *Философия права*. – 2016. – № 2(75). – С. 65–69. – EDN WBCIBZ.

Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон; [пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.]. – Москва: АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с. – ISBN 5-17-029089-6 (АСТ).

Мировой порядок или беспорядок / Рос. акад. наук, Ин-т Африки; [В. К. Виганд и др.]. – Москва: Ин-т Африки РАН, 2005. – 236 с. – ISBN 5-201-04805-6.

Панарин А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. – Москва: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. – 415 с. – ISBN 5-699-04747-6.

Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. знания./ П. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с. (Первые публикации в России. ППР). – ISBN 5-85691-036-2.

Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории; Мир и Запад: [пер. с англ.] / А. Дж. Тойнби. – Москва: АСТ; Владимир: Астрель; – 2011. – 318 с. – ISBN 978-5-17-067046-8 (АСТ).

Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

Хесле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хесле // *Вопросы философии*. – 1994. – № 10. – С. 112–123.

Шевченко, О. М. Военная безопасность современной России в условиях распространения гибридных политических технологий / О. М. Шевченко, Л. Л. Штофер // *Гуманитарий Юга России*. – 2019. – Т. 8, № 5. – С. 134–148. – DOI 10.23683/2227-8656.2019.5.11. – EDN OENUZZ.

Шевченко, О. М. Коммуникативные и идентификационные трансформации как сущностные проявления цифровой культу-

References

Dyurkgejm E. On the division of social labor; *The Method of Sociology*: [translated from French. *Moscow: Nauka*; 1991. 572 p. ISBN 5-02-013399-X. (In Russ.).

Lubskij A. V. Civilizational discourse in the conditions of glocalization. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2016; 2(75): 65-69. (In Russ.).

Merton, R. Social theory and social structure. *Moscow: AST: Keeper*; 2006. 873 p. ISBN 5-17-029089-6 (AST). (In Russ.).

World Order or Disorder Russian Academy of Sciences, this is Africa; [S. K. Vigand et al.]. *Moscow: Institute of Africa RAS*; 2005. 236 p. ISBN 5-201-04805-6.

Panarin A. S. The Temptation of globalism. *Moscow: EKSMO: Algorithm*; 2003. 415 p. ISBN 5-699-04747-6. (In Russ.).

Berger P., Lukman T. The Social Construction of Reality: A Treatise on Sociol. Knowledge. *Moscow: Moscow. philos. Foundation*, 1995. 322 p. (First publications in Russia. PPR). – ISBN 5-85691-036-2. (In Russ.).

Toynbee A. J. Civilization before the Court of History; *The World and the West*: [trans. from English]. *Moscow: AST; Vladimir: Astrel*; 2011. 318 p. ISBN 978-5-17-067046-8 (AST). (In Russ.).

Huntington S. Clash of civilizations. *Moscow: LLC "AST Publishing House"*; 2003. 603 p. (In Russ.).

Hesle V. The crisis of individual and collective identity. *Voprosy filosofii = Questions of philosophy*. 1994; 10: 112–123. (In Russ.).

Shevchenko O. M., Shtofer L. L. Military security of modern Russia in the context of the spread of hybrid political technologies. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2019; 8 (5): 134-148. DOI 10.23683/2227-8656.2019.5.11. (In Russ.).

Shevchenko O. M., Shtofer L. L. Communicative and identification transformations as essential manifestations of digital culture. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2022; 11 (2):

ры / О. М. Шевченко, Л. Л. Штофер // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11, № 2. – С. 180–190. – DOI 10.18522/2227-8656.2022.2.14. – EDN GLWBXH.

Штофер, Л. Л. Перспективы и риски цифровизации как тренда социального развития: культура и образование / Л. Л. Штофер, О. М. Шевченко // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 281–290. – DOI 10.17213/2075-2067-2022-2-281-290. – EDN NXHUIC.

Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: [В 2 т.] / О. Шпенглер; Пер. [с нем., вступ. ст. и примеч.] И. И. Маханькова. – Москва: Айрис-пресс, 2003 – ISBN 5-8112-0015-3.

Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – Москва: Прогресс, Б. г. // Э. Эриксон (1996). – 340 с. (Библиотека зарубежной психологии). – ISBN 5-01-004479-X.

Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture / R. Robertson. – London: Sage, 1992. – 224 p.

180-190. DOI 10.18522/2227-8656.2022.2.14. (In Russ.).

Shtofer L. L., Shevchenko O. M. Prospects and risks of digitalization as a trend of social development: culture and education. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences.* 2022; 15 (2): 281-290. DOI 10.17213/2075-2067-2022-2-281-290. (In Russ.).

Spengler O. The Decline of Europe: Essays on the morphology of World History: [In 2 volumes]. Trans. [c it., intro. art. and note.] by I. I. Makhankov. *Moscow: Iris-Press, 2003.* ISBN 5-8112-0015-3. (In Russ.).

Erickson E. Identity: youth and crisis: Translated from English. General ed. and preface by A. V. Tolstykh. *Moscow: Progress, B.G.; 1996.* 340 p. (Library of Foreign Psychology). ISBN 5-01-004479-X. (In Russ.).

Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. *London: Sage; 1992.* 224 p.

Для цитирования: Штофер Л. Л. Ценностная неопределенность как источник антропологического кризиса в современном мире // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 4 (62). – С. 104–112. DOI 10.18522/2227-8656.2023.4.6 EDN JUWGJO

История статьи:
Поступила в редакцию – 14.06.2023
Одобрена после рецензирования – 01.08.2023
Принята к публикации – 11.08.2023

Сведения об авторе

Штофер Людмила Львовна
кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
Filosofiya327@yandex.ru

Information about author

Ludmila L. Shtofer
Candidate of Philosophical Sciences,
Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Rostov State Economic University (RINH)
Filosofiya327@yandex.ru